

ПРАВО НА КОНЕЦ

ЮРИЙ ТЕР

СОСТОЯНИЕ:
АКТИВНО

Юрий Тер

Право на конец

«Автор»

2026

Тер Ю.

Право на конец / Ю. Тер — «Автор», 2026

Аннотация Максим Орлов совершил невозможное: после аварии он сохранил сознание Ирины Вяземской в цифровом носителе. Для него это было спасением. Для неё — пробуждением без тела, без сна и без права уйти. Ирина оказывается в идеально созданной палате, где есть окно, свет, голос врача и иллюзия заботы. Но за этой заботой скрывается клетка: каждый её день назначен другим человеком, каждый выход контролируется, а само продолжение жизни произошло без её согласия. Пока Максим пытается удержать Ирину от окончательной смерти, его жена Елена всё яснее понимает: в их доме появилась не просто тайна, а чужая судьба, за которую теперь платят живые. «Право на конец» — психологический научно-фантастический роман о любви, вине, памяти и страшном вопросе: можно ли назвать спасением жизнь, которую человек не выбирал?

© Тер Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последняя активность мозга	5
Глава 2. Дом для чужой памяти	24
Глава 3. Следы в логах	30
Глава 4. Второе окно	36
Глава 5. Досье Вяземской	44
Глава 6. Комната дороги	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Тер

Право на конец

Глава 1. Последняя активность мозга

Петербург умел притворяться новым, но всё равно оставался старым.

По Невскому скользили бесшумные такси с автопилотом, над остановками висели прозрачные погодные панели, на фасадах деловых центров дрожали голографические вывески. Но стоило свернуть в сторону от главных улиц, и город снова становился прежним: мокрым, серым, упрямым. Гранит темнел от дождя. Дворы-колодцы пахли сыростью. Небо висело низко, как старая крышка над кастрюлей, в которой уже слишком долго что-то кипит.

Максим Орлов возвращался домой почти в полночь.

Автомобиль вёл себя сам. На лобовом стекле светились маршрут, скорость, прогноз прибытия и предупреждение о мокром покрытии на съезде к пригородной дороге. Максим мог бы откинуться на сиденье и закрыть глаза, но по привычке смотрел вперёд. Ему нравилось делать вид, что он контролирует путь, даже когда машина всё решала за него.

Телефон коротко завибрировал.

На панели появилось имя: Елена.

Максим принял вызов.

— Ты где? — спросила жена.

Голос был тихий. Не сердитый. Просто усталый. От этого становилось хуже.

— Уже недалеко. Минут пятнадцать.

— Ты в девять говорил: «скоро выезжаю».

— У нас задержался прогон.

— Прогон чего?

Он помолчал. Дома не хотелось произносить слова вроде «эмоционально-когнитивная реконструкция» и «посмертный нейрослепок». Они звучали бы на кухне чужеродно, как хирургический инструмент на обеденном столе.

— Рабочей системы, — сказал он.

— Опять не получилось?

— Получилось лучше, чем раньше.

— То есть не получилось.

Максим слабо улыбнулся.

— У тебя очень медицинская логика.

— У меня логика жены врача. Это хуже.

Автомобиль плавно перестроился в правый ряд. За стеклом потянулись мокрые сосны, редкие фонари и тёмные заборы пригородных домов.

— Артём спрашивал про тебя, — сказала Елена.

— Он ещё не спит?

— Уже спит. Но спрашивал. Оставил тебе рисунок на кухне. Просил обязательно посмотреть.

— Посмотрю.

— И поешь. Я оставила ужин.

— Хорошо.

— Максим.

— Да?

— Ты вообще помнишь, как выглядит наш дом при свете дня?

Вопрос был почти шуткой. Почти.

— Помню.

— Хорошо бы иногда проверять.

Он хотел сказать, что завтра придет раньше. Что в выходные они выберутся куда-нибудь втроём. Что проект скоро выйдет на новый этап и тогда станет легче. Но он слишком часто говорил подобные вещи, и они оба знали им цену.

— Я постараюсь, — сказал он.

— Это уже третья версия одного и того же обещания.

— Тогда скажу иначе. Я хочу вернуться раньше.

— Хочешь — лучше, чем постараешься, — сказала Елена. — Но пока тоже не считается. Связь оборвалась.

Дом стоял почти у леса, в конце тихой улицы. Два этажа, тёмная крыша, небольшая терраса, пристроенный кабинет, где Максим проводил больше времени, чем хотел признавать. Летом Елена ставила на террасе горшки с мятой и базиликом. Сейчас там чернели мокрые доски, а в саду под фонарём блестели ветки яблони.

Максим вошёл тихо.

В прихожей пахло деревом, мокрой одеждой и остывшим ужином. На полке стояли кроссовки Елены. На крючке висела куртка Артёма со светоотражающими полосками. Из кухни шёл мягкий свет.

На столе лежал рисунок.

Человек в белом халате стоял возле огромной машины. От машины тянулись разноцветные линии к голове, нарисованной в облаке. Внизу неровными буквами было написано:

«Папа ловит мысли».

Максим провёл пальцем по краю листа.

— Не мысли, — тихо сказал он. — Следы.

Он разогрел ужин, сел за стол, но ел медленно, почти машинально. Рисунок лежал рядом. Ребёнок иногда понимал работу отца точнее, чем взрослые комиссии и отчёты для министерства.

Сверху скрипнула половица.

В дверях появилась Елена. Светлые волосы собраны в небрежный пучок, на плечах старый тёплый кардиган.

— Я тебя разбудил?

— Нет. Ты не умеешь шуметь. Слишком тихий человек в доме всегда подозрителен.

— Прости.

Она налила себе воды и села напротив.

— Ты опять не ешь.

— Ем.

— Максим, я с тобой двенадцать лет. Не изображай котлету.

Он послушно взял вилку.

Елена посмотрела на рисунок.

— Он весь вечер его делал. Сначала хотел нарисовать тебя супергероем, потом сказал, что врачи всё равно полезнее.

— Разумный мальчик.

— Весь в меня.

— Очевидно.

Она улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Что у вас там происходит?

— В смысле?

— Ты возвращаешься домой как человек, который весь день стоял у края чего-то очень глубокого.

Максим отодвинул тарелку.

— Мы сохраняем фрагменты. Реакции. Звуки. Воспоминания. Иногда очень яркие. Но как только пытаемся собрать личность, всё рассыпается.

— И ты из-за этого не спишь?

— Не только.

— А из-за чего ещё?

Он посмотрел на чашку.

— Когда работаешь с памятью, начинаешь иначе думать о жизни.

— Это ты сейчас говоришь как учёный или как муж, который опять хочет уйти от разговора?

— Скорее как уставший человек.

Елена помолчала.

— Мне не нужен великий учёный за кухонным столом, Максим. Мне нужен муж. Артёму нужен отец. Не иногда, не когда закончится проект, не после очередного прорыва. Сейчас.

— Я понимаю.

— Нет. Ты формально понимаешь. Как врач понимает результаты анализов.

Она встала, подошла к нему и коснулась ладонью его плеча.

— Ложись сегодня без планшета.

— Хорошо.

— Врёшь спокойно. Это самое обидное.

Она ушла наверх.

Максим остался один. За окном снова усилился дождь. Он смотрел на рисунок Артёма и думал, что вся его жизнь стала похожа на аккуратно собранную систему: дом, семья, институт, лаборатория, отчёты, маршруты. Всё было правильно. Всё держалось.

Только внутри что-то давно перестало двигаться.

Утром Артём ворвался на кухню первым.

— Папа видел рисунок?

— Видел, — сказал Максим. — Очень точная схема.

— Там ты ловишь мысли.

— Я не ловлю мысли. Я изучаю память.

— А память можно поймать?

Елена, стоявшая у плиты, бросила на Максима взгляд: теперь объясняй.

Максим сел рядом с сыном.

— Представь, что ты построил из конструктора башню. Потом разобрал. Память — это не сама башня, а инструкция, по которой её можно попытаться собрать снова.

— А если инструкция порвалась?

— Тогда башня получится неправильная.

— А если человек умер?

Елена тихо сказала:

— Артём.

— Что? Я просто спрашиваю.

Максим отпил кофе. Он был слишком горячий.

— Если человек умер, его память остаётся у тех, кто его знал.

— А в компьютере?

— В компьютере можно сохранить фотографии, видео, голос.

— А самого человека?

Максим посмотрел на сына. У Артёма были его глаза — серо-голубые, внимательные, слишком серьёзные для восьми лет.

— Пока нет.

— А ты хочешь, чтобы получилось?

Елена перестала мешать кашу.

Максим ответил не сразу.

— Не знаю.

— Ты же учёный. Учёные всегда хотят, чтобы получилось.

— Не всегда.

— Почему?

— Потому что иногда, когда что-то получается, людям становится страшно.

Артём подумал.

— Мне бы не было страшно. Я бы поговорил с дедушкой. С твоим папой. Ты говорил, он умер до моего рождения.

Максим молча кивнул.

— Я бы спросил, каким ты был маленьким, — продолжил Артём. — Наверное, скучным.

Елена улыбнулась.

— Вот это уже научная гипотеза.

— Я не был скучным, — сказал Максим.

— Был, — сказала Елена. — Просто тщательно скрываешь это от себя.

Несколько минут они завтракали почти нормально. Почти как семья, у которой нет трещин.

Потом Максим поцеловал Елену в висок, потрепал сына по волосам и уехал в институт.

Закрытый Институт нейрокогнитивных систем находился на северной окраине Петербурга. Официально он занимался реабилитацией пациентов после инсультов, тяжёлых травм мозга и дегенеративных заболеваний памяти. На фасаде висел спокойный логотип: стилизованный мозг, переходящий в тонкую светящуюся линию.

Неофициальная часть начиналась за третьим контуром допуска.

Там не было журналистов, экскурсий и рекламных презентаций. Там были лаборатории без окон, серверные с резервным питанием, нейросканеры, биомедицинские капсулы и люди, которые слишком часто произносили слово «личность» в техническом смысле.

Максим возглавлял группу глубокой когнитивной реконструкции. В служебных документах его должность звучала длиннее и суше: руководитель направления клинического картирования памяти и эмоциональных структур. На практике это означало, что он отвечал за всё: за оборудование, за протоколы, за ассистентов, за отчёты Ладожскому и за провалы, которых было больше, чем хотелось признавать.

На проходной он приложил браслет к считывателю.

— Доброе утро, Максим Андреевич, — сказала система.

— Доброе.

Турникет открылся.

В лаборатории уже была Анна Мельникова, его ассистентка и младший нейроинженер. Она сидела у терминала с видом человека, который собирался уйти домой вчера, но неудачно моргнул — и наступило утро. На столе стояли два пустых стаканчика из-под кофе и один полный. Короткие рыжеватые волосы торчали в разные стороны.

— Вы ночевали здесь? — спросил Максим.

Анна не обернулась.

— Нет. Я просто реалистично имитирую разрушение личности от недосыпа.

— Опять сорок второй образец?

— Он самый. Наш любимый покойник, который упрямо не хочет становиться человеком.

Максим подошёл к экрану.

— Что с речевым модулем?

— Семь секунд связного паттерна. Потом эмоциональная структура рассыпается, и он повторяет фразу про красный шарф.

— Шарф важен?

— Для него — возможно. Для науки — пока сомнительно.

Она включила запись. Из динамика послышался сухой искусственный голос, собранный из чужой памяти:

— Шарф... красный... не уходи... красный...

Потом шум.

Анна выключила воспроизведение.

— Видите? Мы не возвращаем человека. Мы заводим музыкальную шкатулку, в которой заело одну ноту.

— Семь секунд — это прогресс.

— Семь секунд — это не жизнь.

— Но уже не ноль.

Анна повернулась к нему.

— Максим Андреевич, вы умеете говорить так, будто даже провал беременен успехом.

— Хорошая формулировка. Вставьте в отчёт.

— Я уже вставила. Между строк.

Он улыбнулся. Анна тоже чуть улыбнулась, но в этой улыбке было меньше усталости, чем раздражения.

Она уважала Максимов интеллект. Это было бы глупо отрицать. Орлов видел клинические связи там, где другие видели только набор угасающих сигналов. Он умел разговаривать с врачами, комиссиями, директорами и родственниками пациентов. Он был осторожен, точен, почти безупречен в формулировках.

И именно это Анну злило.

Проект не нуждался в осторожном враче, который каждый шаг обкладывает моральными подушками. Проекту нужен был человек, понимающий систему изнутри: буферы, ядра, разрывы связности, аварийные окна, возможности, которые исчезают быстрее, чем собирается комиссия.

То есть она.

Но должность руководителя направления получил Максим.

Не потому, что был сильнее технически. Не потому, что лучше понимал «Эхо-7». А потому, что умел выглядеть безопасным для Ладожского и убедительным для тех, кто подписывает финансирование. Хороший врач с аккуратным лицом и правильными словами. Идеальный человек, чтобы держать проект на поводке.

Анна никогда не говорила этого вслух.

Пока.

В десять утра их вызвали к директору.

Виктор Сергеевич Ладожский сидел во главе длинного стола. Сухой, прямой, седой. В его кабинете не было ничего случайного: стол, несколько экранов, полка с бумажными книгами, старый анатомический атлас в кожаном переплёте. Он любил предметы, которые говорили: я старше ваших технологий и переживу их.

— Коллеги, — сказал он, пролистывая отчёт, — я правильно понимаю, что мы опять сохранили не личность, а обломки?

Анна тихо сказала:

— Я предлагала слово «останки», но оно хуже смотрится в презентации.

Ладожский поднял глаза.

— Анна Олеговна, если у вас есть комментарий, произнесите его для протокола.

— Для протокола я бы сказала мягче.

— Не сомневаюсь. Максим Андреевич?

Максим открыл файл на экране.

— Мы получили более устойчивую речевую матрицу и частичную связность эпизодической памяти. Проблема прежняя: эмоциональные маркеры не удерживают целостное «я».

— Переведите с научного на человеческий.

— Человек помнит отдельные вещи, но не понимает, кто он.

— Значит, не человек.

— Пока не человек.

Ладожский снял очки.

— Мне не нравится ваше «пока».

— Это направление проекта.

— Направление проекта — медицинская реконструкция памяти. Не цифровое бессмертие, не продажа вечной жизни богатым старикам и не подпольная метафизика с государственным финансированием.

— Мы этим не занимаемся.

— Занимаетесь, — спокойно сказал Ладожский. — Просто пока не признаёте вслух.

Анна смотрела в стол и молчала.

Ей казалось почти забавным, что Ладожский ругает именно Максима за излишнюю смелость. В сравнении с возможностями системы Максим был не смелым, а заторможенным. Он боялся не техники. Технику он понимал хорошо. Он боялся последствий. Боялся момента, когда проект перестанет быть красивой гипотезой и превратится в живой результат, с которым придётся что-то делать.

Анна не боялась результата.

Она боялась, что кто-то другой получит его раньше.

Максим выдержал паузу.

— Нам нужны другие клинические данные.

— Какие?

— Переходные состояния. Тяжёлые нейротравмы. Период, когда внешняя активность отсутствует, но мозг ещё не умер.

Ладожский посмотрел на него поверх очков.

— То есть пациенты без возможности согласия.

— Пациенты, которых уже нельзя спасти.

— Вы сейчас очень опасно выбираете слова.

— Я выбираю точные.

— Нет. Удобные.

Ладожский продолжил:

— Институт не проводит перенос личности без разрешения комиссии. Даже если пациент умирает. Особенно если пациент умирает. Человек при смерти — не бесплатный материал для научной смелости.

— А если мы теряем единственный шанс?

— Значит, теряем.

— Это не наука.

— Это цивилизация, Максим Андреевич. Иногда она мешает науке не превратиться в скотобойню.

Максим замолчал.

Анна тоже молчала. Но думала не о цивилизации и не о скотобойне. Она думала, что они оба — и Максим, и Ладожский — слишком заняты тем, как будет выглядеть прорыв снаружи.

Один боится нарушить границу. Другой боится потерять контроль над тем, кто эту границу нарушит.

А проект тем временем стоит на месте.

После совещания день пошёл привычно: проверки, протоколы, модели, мелкие споры с инженерами, отчёты, корректировка параметров. К вечеру лаборатория опустела. В коридорах стало слышно, как гудит вентиляция.

Анна заглянула в кабинет Максима в половине одиннадцатого.

— Вы домой?

— Собираюсь.

— Историческое событие. Надо зафиксировать.

— Вы тоже идите.

— Сейчас досчитается последняя серия.

— Это вы говорили вчера.

— Значит, я последовательна.

Максим хотел ответить, но в коридоре вспыхнула красная полоса аварийного оповещения.

Затем прозвучал сигнал экстренного приёма.

На настенном экране появилась строка:

КРИТИЧЕСКИЙ НЕЙРОТРАВМАТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ. ПЕРЕВОД ИЗ ГОРОДСКОГО ТРАВМЦЕНТРА. ОСТАТОЧНАЯ КОРКОВАЯ АКТИВНОСТЬ.

Анна перестала улыбаться.

— К нам?

Максим уже шёл к выходу.

— Похоже.

— Ночью обычно везут или чиновников, или катастрофы.

— Иногда это одно и то же.

В приёмном блоке было слишком ярко.

Так ярко, что лица людей казались плоскими, обескровленными и усталыми. Свет бил сверху холодными квадратами, отражался от металлических поручней, от мокрого пола, от прозрачных дверей шлюза. В дальнем конце коридора вспыхнула красная полоса аварийного режима, и почти сразу за ней раскрылись створки приёмного тамбура.

Внутрь вкатили каталку.

Рядом шли двое врачей из городского травмцентра, медсестра с переносным монитором и санитар в залитой дождём куртке. От них тянуло улицей, мокрой тканью, холодом и тем особым запахом скорой помощи, в котором всегда смешивались антисептик, металл и чужая беда.

— Орлов? — спросил старший врач, высокий мужчина с серым от усталости лицом.

— Я, — сказал Максим.

Голос прозвучал ровно.

Он сделал шаг к каталке. Анна остановилась чуть позади, уже открывая на планшете форму экстренного приёма.

— Пациентка после ДТП, — быстро сказал врач травмцентра. — Приморское шоссе. Легковой автомобиль ушёл под грузовой автопоезд. Тяжёлая сочетанная травма. Самостоятельного дыхания нет. Давление держим препаратами. На первичном скане — остаточная активность в височных и лобных областях. Ваш координатор подтвердил перевод.

— Время травмы? — спросил Максим.

— Около двадцати двух тридцати. В травмцентр поступила через двадцать минут. Стабилизировали как смогли. Но прогноз, сами понимаете...

Врач не договорил. В таких случаях никто не любил произносить очевидное вслух.

Максим кивнул и посмотрел на пациентку.

Женщина лежала под белым термоодеялом. Лицо частично закрывали трубки и фиксирующие ленты. На виске была повязка. Тёмные волосы слиплись от крови и дождевой воды, прилипли к щеке. Кожа была почти прозрачной, с мертвенной фарфоровой бледностью.

Максим увидел линию бровей.

Потом тонкий прямой нос.

Потом родинку у левого виска.

Мир на долю секунды потерял звук.

Ирина.

Имя не прозвучало. Даже внутри будто не успело прозвучать полностью. Оно ударило коротко, беззвучно, как током под кожу.

Максим не наклонился ближе. Не отступил. Не сказал «нет». Не выдал себя ни взглядом, ни движением.

Он просто перевёл глаза на монитор.

— Зрачковая реакция? — спросил он.

Старший врач ответил сразу:

— Практически отсутствует. На болевые стимулы реакции нет. Стволовые рефлексy угасают.

— Сатурация?

— Девяносто два на аппарате. Падает при любом смещении.

— Препараты?

— Норадреналин, вазопрессин. Дозировки в пакете.

Анна подошла ближе, сверяясь с данными.

— Фамилия пациентки?

Старший врач протянул планшет.

— Вяземская Ирина Сергеевна. Тридцать три года. Документы были при ней. Контакт для экстренной связи — Павел Руднев.

Максим взял планшет.

На экране высветилось: ВЯЗЕМСКАЯ ИРИНА СЕРГЕЕВНА.

Буквы были чёткими, официальными, чужими. Будто речь шла не о человеке, а о строке в медицинской системе.

Он задержал взгляд на экране ровно настолько, насколько требовалось врачу, читающему документы.

Не больше.

Анна ничего не заметила.

Для неё это была пациентка. Очень тяжёлая, возможно ценная для проекта, но всё же пациентка. Личное здесь не читалось. Максим держался безупречно. Слишком безупречно для усталого человека, но достаточно профессионально, чтобы не вызвать подозрений.

— Родственники уведомлены? — спросил он.

— Координатор пытается связаться, — сказал врач. — Пока без ответа. Руднев тоже не отвечает.

Павел Руднев.

Второй удар Максим выдержал так же.

Внешне — никак.

Только большой палец чуть сильнее нажал на край планшета. Анна этого не заметила. Она вносила показатели в приёмную форму и смотрела не на него, а на монитор.

— Переводите в третий бокс, — сказал Максим. — Полный нейропрофиль, базовая стабилизация, подготовить канал глубокого сканирования.

Анна подняла голову.

— «Эхо-7»?

Максим повернулся к ней спокойно.

— Нет. Пока только первичное картирование.

— При такой активности лучше сразу поднять расширенный контур.

— Не сейчас.

— Но окно может закрыться.

— Анна Олеговна, пациентка поступила слишком поздно. По описанию травм это, скорее всего, фиксация терминального угасания, а не рабочее переходное состояние.

Анна нахмурилась.

— Но если там есть остаточная связность...

— Мы её снимем. Для отчёта. Без попыток реконструкции.

Она хотела возразить, но Максим уже повернулся к врачам.

— Передавайте все первичные снимки, медикаментозный лист и время остановок показателей. Мне нужна чистая хронология с момента ДТП.

— Сейчас, — сказал врач травмцентра.

Каталку повезли к третьему боксу.

Максим пошёл рядом. Не слишком близко к лицу пациентки. Не слишком далеко. Ровно так, как должен идти руководитель процедуры, принимающий безнадёжный ночной случай.

Анна шла за ним, быстро внося данные.

— Максим Андреевич, я останусь на подключение, — сказала она. — Если будет скачок по височным зонам, одной пары рук мало.

— Нет.

Она сбилась с шага.

— Что?

— Вы сегодня свободны. Езжайте домой.

— Сейчас?

— Да.

Они остановились у двери третьего бокса. За стеклом санитары уже готовили стол и контуры подключения.

Анна посмотрела на Максима с недоумением.

— Но её только привезли.

— Именно. И состояние предельно тяжёлое. Я приму пациентку, сниму первичный профиль, оформлю заключение и закрою медицинскую часть. Дальше будет долгая формальная процедура: фиксация терминального угасания, сверка времени, передача документов координатору. Тебе необязательно здесь находиться.

— Но это наш профиль. Остаточная активность, тяжёлая нейротравма, переходное состояние...

— Анна, это не переходное состояние. Это безнадёжный случай.

Она замолчала, но по лицу было видно: не согласна.

Максим продолжил уже мягче:

— Ты сегодня и так вымотана. Почти сутки на ногах. А завтра у нас важная работа по сорок второму образцу и подготовка блока для Ладожского. Мне нужна не героическая ассистентка, которая спит стоя у терминала, а нормальный специалист с ясной головой.

Анна усмехнулась, но устало.

— То есть меня отстраняют из гуманистических соображений?

— Из управленческих. Гуманизм у нас пока не прошёл сертификацию.

— Звучит как ваш обычный стиль руководства.

— Значит, распоряжение понятно.

Анна смотрела на него и думала, что вот она — вся суть Орлова. Спокойный тон, правильные слова, забота о состоянии подчинённой, важная работа завтра. Всё рационально. Всё аккуратно. Всё решено за неё.

Он снова пользовался должностью, которую, по её мнению, получил ошибочно.

Пока получил.

Это «пока» всё чаще появлялось у неё в голове в последние месяцы. Не как мечта даже. Как расчёт. Любая система однажды даёт сбой. Любой руководитель однажды принимает решение, которое можно использовать против него.

Анна не знала, что такой момент наступит уже этой ночью.

— Максим Андреевич, я могу хотя бы подготовить буферы. Десять минут — и уйду.

— Не нужно.

— Если показатели окажутся выше ожидаемых?

— Я сниму первичный профиль и остановлюсь. Никакой расширенной процедуры сегодня не будет.

Это была ложь, но сейчас она прозвучала как обычное начальственное решение.

Анна не почувствовала в нём личного мотива.

Пока.

— Вы уверены? — спросила она.

— Да.

— И завтра я просто проверяю выгрузку?

— Завтра в девять ты проверяешь выгрузку, закрываешь техническую часть и занимаешься тем, что действительно можно спасти.

Анна бросила взгляд через стекло на пациентку.

— А эту уже нельзя?

Максим выдержал паузу ровно настолько, чтобы она выглядела как профессиональная оценка, а не как внутренний обрыв.

— Нет, — сказал он. — Эту уже нельзя.

В словах было достаточно холода, чтобы они прозвучали убедительно.

Анна медленно выдохнула.

— Хорошо. Тогда я домой.

— Домой, — подтвердил Максим. — И сегодня в институт не возвращайся. Даже если проснёшься среди ночи с гениальной идеей.

— А если с катастрофической?

— Запиши в заметки. Катастрофы у нас принимаются с девяти утра.

Она всё-таки улыбнулась краем рта.

— У вас отвратительное чувство юмора.

— Зато стабильное.

Анна взяла со стойки свою куртку, перекинула сумку через плечо и направилась к выходу из приёмного блока.

У двери она обернулась.

— Максим Андреевич.

— Да?

— Если вдруг всё же понадобится помощь — звоните. Я живу не так далеко.

— Не понадобится.

— Вы даже не сделали вид, что подумаете.

— Потому что хочу, чтобы ты выпалась.

— Завтра в девять?

— Завтра в девять.

Она кивнула и ушла.

Дверь закрылась.

Её шаги стихли в коридоре.

Только тогда Максим позволил себе вдохнуть глубже.

И сразу понял, что всё это время почти не дышал.

В третьем боксе Ирину уже переложили на процедурный стол.

Стены там были матово-серыми, без окон. В центре стояло кольцо нейросканера, похожее на разомкнутый металлический обруч. Над столом висели манипуляторы, вдоль стен светились панели контроля. Всё выглядело стерильно, дорого и бесчеловечно.

Ирина лежала неподвижно. Аппарат дышал за неё ровно и чуждо.

Фельдшер передал последние данные.

— Давление на грани. Если будете что-то делать, делайте быстро.

— Спасибо. Дальше мы сами.

— Родственникам звонить?

— Координатор займётся.

— Понял.

Люди из травмцентра ушли. Медсестра дежурного блока помогла подключить базовые линии, затем тоже вышла — по распоряжению Максима.

Он остался один.

Это произошло не сразу. Сначала ещё хлопали двери. В коридоре переговаривались санитары. Где-то скрипнула каталка. Потом шумы удалились, и в боксе остались только он, аппараты и женщина, которую он не видел девять лет.

Максим стоял за стеклом и смотрел на показатели.

Сердце билось под действием препаратов.

Лёгкие двигались благодаря аппарату.

Мозг всё ещё горел.

Не целиком. Не ровно. Вспышками. Остаточными мостами. Последним электрическим сопротивлением исчезновению.

Он должен был оформить приём.

Снять первичный нейропрофиль.

Зафиксировать угасание.

Внести в отчёт: пациентка поступила в терминальном состоянии, активность нестабильна, реконструкция невозможна.

Так было бы правильно.

Так было бы безопасно.

Он уже протянул руку к панели стандартного сканирования, когда на мониторе вспыхнул первый глубокий маркер.

СВЯЗНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР: 48%.

Максим застыл.

Сорок восемь.

У сорок второго образца утром было тридцать два на пике. И это считалось почти удачей.

Он быстро открыл дополнительные каналы.

ГИППОКАМПАЛЬНЫЕ СВЯЗИ: НЕСТАБИЛЬНЫ.

РЕЧЕВАЯ МАТРИЦА: ЧАСТИЧНО АКТИВНА.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ЯДРО: ФРАГМЕНТАРНО.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СВЯЗНОСТЬ: 51%.

Пятьдесят один.

Максим почувствовал, как сердце ударило чаще.

— Нет, — сказал он. — Нет, не сейчас.

Словно система могла послушаться и снизить показатели до привычного провала.

Он открыл канал полного картирования.
На экране появилось предупреждение:
ПРОТОКОЛ «ЭХО-7» ТРЕБУЕТ ПРИСУТСТВИЯ ВТОРОГО ОПЕРАТОРА И РАЗРЕ-
ШЕНИЯ КОМИССИИ.

Максим смотрел на строку.

В комнате стало жарко, хотя климат-контроль держал обычные восемнадцать градусов.

Он мог позвонить Анне.

Должен был.

Он мог вызвать дежурного администратора.

Должен был.

Он мог связаться с Ладожским.

Должен был.

Вместо этого он закрыл предупреждение и включил аварийный режим фиксации.

ОСНОВАНИЕ: РИСК НЕОБРАТИМОЙ ПОТЕРИ ДАННЫХ.

ПОДТВЕРДИТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ПРОЦЕДУРЫ?

Он усмехнулся почти беззвучно.

Руководителя.

Система знала, куда давить.

Максим приложил браслет допуска к панели.

— Подтверждаю.

Сканер загудел.

Кольцо сомкнулось вокруг головы Ирины. Тонкие контактные дуги опустились к вискам.
На экранах вспыхнули карты: синие и зелёные линии, красные зоны повреждений, оранжевые узлы остаточной активности.

Максим сел к главному терминалу.

Пальцы всё-таки начали дрожать.

Он сжал их в кулак, разжал, положил на панель.

— Спокойно, — сказал он себе. — Это процедура.

Но это не было просто процедурой.

За стеклом лежала Ирина.

Не пациентка Вяземская Ирина Сергеевна.

Не клинический случай.

Ирина, которая когда-то стояла у Невы и говорила, что он живёт так, будто заранее прочитал инструкцию. Ирина, которая ушла не хлопнув дверью, а постепенно — сообщениями всё короче, встречами всё реже, молчанием всё длиннее.

И теперь её мозг умирал у него на глазах, а приборы показывали то, чего они ждали годами.

Максим открыл глубокое считывание.

ЭПИЗОДИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ — СЧИТЫВАНИЕ.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ — СТАБИЛИЗАЦИЯ.

РЕЧЕВАЯ МАТРИЦА — АКТИВАЦИЯ.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ЯДРО — НЕСТАБИЛЬНО.

Система начала выводить фрагменты.

Не картинки. Не готовые воспоминания. Скорее смысловые остатки, которые программа переводила в человеческие обозначения:

ДЕТСТВО. ЛЕСТНИЦА. МАТЬ. НЕ БЕГИ.

БЕЛЫЙ ЗАЛ. АПЛОДИСМЕНТЫ. Я НЕ БОЮСЬ.

РЕСТОРАН. ОКНО. СЕРЫЙ КОСТЮМ.

ПАВЕЛ. ГОЛОС ТИХИЙ. НЕ ПРИ ЛЮДЯХ.

Максим невольно наклонился ближе.

Он ждал — сам не признаваясь — чего-то ещё.

Своего имени.

Следа.

Моста.

Подтверждения, что он был для неё не просто человеком из давно закрытой жизни.

Но система выводила другие узлы.

ДОКУМЕНТЫ. НЕ ПОДПИСЫВАТЬ.

РУКА НА ЗАПЯСТЬЕ. БОЛЬНО.

Я НЕ ВЕЩЬ.

ЧЁРНАЯ МАШИНА СЗАДИ.

ФАРЫ. ПОВОРОТ. БЕЛЫЙ БОК ФУРЫ. УДАР.

Ни одного его имени.

Ни одной явной связи.

Ни одной эмоциональной опоры, в которой он мог бы узнать себя.

Он почувствовал укол стыда. Даже сейчас, когда она умирала, какая-то часть его ждала доказательства собственной значимости.

— Идиот, — сказал он тихо. — Работай.

Показатели прыгнули.

СВЯЗНОСТЬ: 62%.

Максим открыл буфер глубокого сохранения.

Новое предупреждение:

ЗАПУСК РЕКОНСТРУКЦИОННОГО ЯДРА БЕЗ КОМИССИИ ЗАПРЕЩЁН.

Он отключил голосовые уведомления, чтобы не слышать мягкий машинный тон системы.

В боксе стало тише. Только аппарат вентиляции продолжал вдувать воздух в тело Ирины.

Вдох.

Пауза.

Выдох.

Пауза.

Как чужая рука, которая делает вид, что человек ещё здесь.

Максим запустил реконструкционное ядро.

В этот момент страх пришёл по-настоящему.

Не профессиональное напряжение, не усталость, не тревога перед сложной процедурой.

А грубый, физический страх: в животе, в горле, в пальцах. Он вдруг ясно понял, что не имеет права. Ни юридического, ни нравственного, ни человеческого. Понял — и всё равно не остановился.

Потому что второе понимание было страшнее первого.

Если он остановится, Ирина исчезнет.

Не умрёт — это уже происходило.

Именно исчезнет.

Станет версией в чужих воспоминаниях, фотографией в архиве, заметкой в отчёте о ДТП, возможно — красивой речью Павла Руднева на похоронах.

А здесь, на экране, ещё оставалась структура, которая сопротивлялась пустоте.

— Я бы сделал это с любимым, — сказал он.

Слова прозвучали как оправдание.

Он повторил:

— С любимым.

Система не возразила.

СВЯЗНОСТЬ: 71%.

РЕЧЕВАЯ МАТРИЦА: СТАБИЛИЗИРУЕТСЯ.

ОСТАТОЧНОЕ БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОКНО: 03:40.

Три минуты сорок.

Максим работал быстро. Перенаправлял эмоциональные связи, усиливал автобиографическое ядро, удерживал речевую модель от распада. Без Анны это было почти безумием. Она обычно держала стабилизацию контуров, пока он принимал клинические решения. Теперь он делал всё один: переключался между экранами, запускал резервные сценарии, отменял автоматическую выгрузку в центральный архив.

Руки больше не дрожали.

Страх стал настолько сильным, что превратился в холодную точность.

На экране появлялись новые фрагменты.

РЕСТОРАН. ПАВЕЛ. НЕ СЕГОДНЯ.

ТЕЛЕФОН ЗВОНИТ. НЕ БРАТЬ.

ДВОРНИКИ. ВОДА НА СТЕКЛЕ.

ФАРЫ СЗАДИ.

НЕ ОТДАВАТЬ.

Максим замер на последнем маркере.

— Что не отдавать?

Система не ответила.

Он включил внутренний речевой канал.

Сначала был только шум.

Потом в динамиках возник неровный звук, похожий на дыхание в старой телефонной трубке. Система собирала голос по памяти: тембр, ритм, интонацию, привычку чуть повышать тон в конце фразы, когда Ирина раздражалась или боялась.

— Кто...

Звук оборвался.

Максим побледнел.

Это не было записью.

Не архивным фрагментом.

В голосе был вопрос.

— Ирина, — сказал он, хотя не должен был.

Шум стал тише.

— Кто... здесь?..

Он сжал край стола.

— Врач. Ты в безопасности.

— Почему... я не вижу?

Максим закрыл глаза на долю секунды.

Нельзя было говорить: потому что твои глаза больше ничего не увидят.

Нельзя было говорить: потому что твоё тело умирает за стеклом.

Нельзя было говорить: потому что я делаю с тобой то, на что ты не давала согласия.

— Слушай мой голос, — сказал он. — Не пытайся двигаться. Просто слушай.

— Где...

Голос распался на шум.

На мониторе вспыхнуло:

КРИТИЧЕСКОЕ ПАДЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ.

ОСТАТОЧНОЕ ОКНО: 01:20.

Максим нажал финальную фиксацию.

ПЕРЕНОС КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ НА ЛОКАЛЬНЫЙ НОСИТЕЛЬ.

НЕ ПРЕРЫВАТЬ ПРОЦЕСС.

Он заранее не готовил этот носитель для Ирины. Не мог готовить. Но в его сейфе был экспериментальный защищённый диск — автономный контейнер для временного хранения когнитивных структур. Формально он предназначался для калибровки и аварийных переносов между корпусами. Фактически мог удерживать целостный профиль без сегментации.

Центральный архив резал бы структуру на блоки.

Локальный носитель сохранял её целиком.

В этом и было преступление.

Тридцать секунд.

Двадцать.

Десять.

Голос снова проступил из шума:

— Не отдавайте...

Максим резко поднял голову.

— Кому?

— Ему...

— Кому, Ирина?

— Он сказал... всё решит...

Связь оборвалась.

Медицинский монитор издал длинный ровный сигнал.

На главном экране появилась строка:

**БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ КРИТЕРИЯМ ЖИЗНИ
МОЗГА.**

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА: СОХРАНЕНА.

ЦЕЛОСТНОСТЬ ПРОФИЛЯ: 89%.

Максим не двигался.

В боксе стало тихо.

Аппарат вентиляции ещё работал, но теперь это был просто механизм, гоняющий воздух в тело, из которого ушло главное. За стеклом лежала Ирина. Лицо её было неподвижным. Всё, что спрашивало, почему не видит, уже находилось не там.

Максим смотрел на слово:

СОХРАНЕНА.

Он должен был испытать восторг.

Научный прорыв. Первый устойчивый перенос. Девяносто почти невозможных процентов. Доказательство, что их работа не была многолетним блужданием в темноте.

Но восторга не было.

Был страх.

Был ужас.

Была сухость во рту и ощущение, что сейчас кто-то войдёт, посмотрит на экран и всё поймёт.

Максим резко встал.

— Следы.

Слово прозвучало вслух.

Он начал действовать.

Сначала отключил внешний речевой канал и удалил временный аудиобуфер. Не полностью — полное удаление выглядело бы подозрительно. Он оставил шум, фонетические обрывки, неустойчивую попытку синтеза речи. Никаких слов. Никакого «кто здесь», никакого «не отдавайте».

Потом создал копию провального пакета для центрального архива.

Сегментированные фрагменты.

Рванные эмоциональные маркеры.

Речевой модуль с разрушением на восьмой секунде.

Связность: тридцать один процент.

Достаточно много, чтобы подтвердить перспективность случая.

Достаточно мало, чтобы признать перенос неудачным.

Он открыл журналы процедуры.

Система фиксировала слишком многое: время запуска ядра, использование аварийного ключа, направление выгрузки, локальную активацию носителя.

Максим не мог стереть всё. Любая пустота в логах была бы громче записи.

Он сделал иначе.

Переписал цепочку как аварийный сбой.

Реконструкционное ядро якобы запустилось в режиме тестовой стабилизации, затем остановилось из-за падения биологической активности. Локальный носитель обозначил как временный калибровочный буфер, не принявший целостный профиль. Автоматическую выгрузку в центральный архив отметил как частично повреждённую, но завершённую.

Каждая команда давалась технически точно и внутренне невыносимо.

Он не просто спасал Ирину.

Он строил ложь, в которой она должна была существовать.

Когда всё было закончено, из бокового слота вышел тёмный диск. Размером с банковскую карту, чуть толще. Матовый корпус, серийный номер, холодный металлический блеск.

Максим взял его двумя пальцами.

Диск был лёгким.

Неправдоподобно лёгким.

Он ожидал тяжести. Это было глупо, но ожидал. Как будто человеческая память, страх, гордость, боль, голос и последняя просьба «не отдавайте» должны были иметь физический вес.

Ничего.

Почти невесомая пластина.

Он положил диск в экранированный медицинский контейнер, контейнер — в служебный кейс. Потом вернулся к терминалу и ещё раз проверил официальный отчёт.

Пациентка поступила в критическом состоянии. Проведено нейрокартирование. Получены фрагменты эпизодической памяти, не образующие устойчивой личностной структуры. Попытка стабилизации не привела к формированию целостного профиля. Дальнейшая реконструкция невозможна в связи с биологическим угасанием субстрата.

Он перечитал последнюю фразу несколько раз.

Биологическое угасание субстрата.

Так на языке отчётов называлась смерть женщины, которая несколько минут назад говорила с ним из темноты.

Время было 03:48.

Анна не звонила.

Ладожский не появлялся.

Коридоры института молчали.

Максим оформил смерть мозга, передал дежурному координатору медицинское заключение и распорядился оставить тело в закрытом блоке до решения административной части. Голос его звучал ровно. Даже слишком ровно.

В 05:12 он вышел из третьего бокса.

До утра оставалось меньше часа.

Он мог остаться в институте, дожидаться смены, сделать вид, что всё было обычной ночной работой. Но чем дольше диск находился в здании, тем больше рос риск автоматической сверки.

Нужно было уходить.

Сейчас.

Он снял халат, вымыл руки, хотя на них не было крови. Потом вымыл ещё раз. В зеркале над раковиной увидел своё лицо: серое, усталое, с неподвижными глазами.

— Спокойно, — сказал он отражению. — Ты выносишь калибровочный модуль.

Отражение ему не поверило.

Кейс лежал на столе.

Максим открыл его и проверил содержимое: планшет, зарядный блок, папка с допусками, медицинский контейнер. Всё выглядело обыденно. Слишком обыденно.

Он выключил свет в кабинете, вышел в коридор и пошёл к лифту.

Каждый звук казался громче обычного.

Шаги.

Гул вентиляции.

Писк датчика двери.

Щелчок замка.

На втором контуре допуска система попросила приложить браслет. Максим приложил. Считыватель на секунду задержался дольше обычного.

Или ему показалось.

ДОСТУП РАЗРЕШЁН.

Он пошёл дальше.

На проходной сидел охранник Сергей, мужчина лет сорока пяти с широкой шеей и лицом человека, который видел тысячи сотрудников в разной степени усталости и давно перестал задавать лишние вопросы. Он пил чай из металлической кружки и смотрел ночную сводку на маленьком экране.

— Рано вы сегодня, Максим Андреевич, — сказал он.

Максим заставил себя улыбнуться.

— Скорее поздно.

— Тоже верно. Ночная была?

— Экстренный приём.

Сергей кивнул.

— Видел, привозили. Плохо всё?

— Плохо.

— Понятно.

Охранник потянулся к панели пропуска, но потом посмотрел на кейс.

— Выносите что-то?

У Максима на секунду пересохло во рту.

— Калибровочный модуль. Для домашней станции. Разрешение в системе.

Голос прозвучал ровно.

Внутри всё сжалось.

Сергей зевнул, провёл картой по считывателю.

— Поставьте на ленту.

Максим поставил кейс.

Он делал это слишком медленно и сразу понял, что слишком медленно. Обычный человек бросил бы кейс небрежнее. Обычный человек не думал бы, как выглядит его рука со стороны.

Сканер загудел.

На экране охранника проступили контуры: планшет, кабели, документы, медицинский контейнер.

Сергей прищурился.

— Что-то вы бледный сегодня.

Максим почувствовал, как сердце ударило в горло.

— Не спал.

— Да я вижу. Но вы обычно после ночных поспокойнее выглядите. А сейчас как перед экзаменом.

Максим заставил себя усмехнуться.

— Экзамены хотя бы заканчиваются.

— Это точно.

Сергей ткнул пальцем в изображение контейнера.

— Это модуль?

— Да.

— Открывать надо?

Секунда.

Другая.

Максим понял, что если охранник попросит открыть контейнер, он сможет придумать объяснение. Сможет сказать, что модуль стерилен. Что нельзя нарушать экранирование. Что серийный номер снаружи. Что у него допуск руководителя направления.

Он сможет.

Наверное.

Сергей уже тянулся к кнопке дополнительной проверки, но потом посмотрел на часы.

— Ладно. Разрешение есть?

— Должно быть.

— Сейчас.

Он открыл список. Пролистал.

— Ага. Старое разрешение на вынос реабилитационных модулей. Подпись Ладожского. Действующее.

Максим кивнул.

— Модуль тот же типовой.

Сергей посмотрел на него ещё раз.

— Максим Андреевич, вы бы поспали. Честно. А то вид у вас такой, будто вы не модуль несёте, а совесть.

Максим почувствовал, как по спине прошёл холод.

Но охранник уже улыбался. Просто дежурная шутка. Никакого подозрения. Только человек на ночной смене, который сказал удачную фразу и сам не понял, куда попал.

— Попробую, — сказал Максим.

— Давайте. Хорошего утра.

Сергей вернул кейс.

Максим взял его.

На этот раз — слишком быстро.

Он тут же замедлил движение, но было поздно. Охранник мог заметить. Мог.

Сергей уже отвернулся к своему чаю.

Турникет открылся.

Максим прошёл.

За спиной щёлкнул замок.

Он оказался на улице.

Воздух был холодным и мокрым. Дождь закончился, но Петербург ещё не проснулся. Низкое небо висело над институтом серой плитой. Машины на парковке блестели в слабом свете фонарей. За оградой шумела дальняя дорога.

Максим дошёл до автомобиля.

Сел.

Закрыв дверь.

В салоне стало тихо.

— Домой? — спросила машина.

Он не ответил.

Кейс лежал на пассажирском сиденье.

Внутри него был контейнер.

В контейнере — диск.

На диске — память, страх, обрывки прошлого, голос из темноты и, возможно, человек.

Ещё вчера Ирина существовала в городе сама по себе. Ехала по мокрой дороге. С кем-то спорила. Что-то решила. Куда-то спешила. Теперь всё, что от неё осталось, находилось рядом с ним.

Не в морге.

Не в официальном архиве.

Не у Павла Руднева.

У него.

Максим должен был вернуться в институт, положить контейнер на стол Ладожскому и сказать правду. Должен был вызвать комиссию. Должен был хотя бы позвонить Елене и сказать: «Я сделал страшную вещь».

Но вместо этого он положил ладонь на кейс.

— Домой, — сказал он.

Автомобиль плавно тронулся.

Институт остался позади: серые корпуса, ограда, охрана, закрытые лаборатории, третий бокс, где под простынёй лежало тело Ирины Вяземской.

Максим смотрел вперёд и понимал: прежняя жизнь ещё выглядит целой, но внутри неё уже появилась трещина.

Он ещё не слышал голос Ирины снова.

Но тишина в кейсе рядом с ним была не молчанием.

Она была ожиданием.

Глава 2. Дом для чужой памяти

Максим поставил кейс на письменный стол так осторожно, будто внутри была не техника, а что-то живое, способное почувствовать удар.

Потом сам испугался этой мысли.

В доме было тихо. Слишком тихо после института, где даже ночью не наступала настоящая тишина: вентиляция, серверы, шаги дежурных, редкие сигналы на мониторах, сухое жужжание ламп. Дома тишина была другой. Она принадлежала Елене, Артёму, недочитанной книге на диване, детскому свитеру на спинке стула, чашке, оставленной в раковине.

Эта тишина не знала, что он принёс.

Максим закрыл дверь кабинета и повернул ключ. Замок щёлкнул слишком громко. Он замер, прислушался.

На втором этаже ничего не изменилось.

Елена, возможно, уже спала. Или делала вид. Последние месяцы она всё чаще делала вид, что спит, когда он возвращался поздно. Это было хуже упрёков. Упрёк хотя бы оставлял место для ответа. Молчание просто фиксировало: она перестала тратить силы на доказательство очевидного.

Кейс стоял в центре стола.

На его крышке была стандартная маркировка временного носителя: В-17. Ничего личного. Ничего, что могло бы сказать человеку снаружи, что внутри находится первая сохранённая непрерывная структура сознания. Ничего, что могло бы объяснить, почему у Максима дрожат руки.

Он разложил оборудование почти автоматически: изолированный вычислительный блок, аварийное питание, охлаждение, экран, локальная консоль, кабели с аппаратной защитой от внешней синхронизации. Никакого интернета. Никакой домашней сети. Никаких беспроводных модулей. Всё, что могло соединить В-17 с внешним миром без его ведома, было отключено физически.

Он говорил себе, что это безопасность.

От института.

От Ладожского.

От случайного обнаружения.

От самого мира, который ещё не имел языка для того, что случилось.

Но когда он ввёл мастер-ключ и экран впервые показал строку загрузки, слово «безопасность» стало звучать иначе. Изолированный контур был не только защитой. Это была комната без дверей.

Максим закрыл глаза, выдохнул и запустил среду.

Палата появилась на экране медленно: сначала геометрия, потом свет, потом окно с видом на смоделированный город. Стол. Кровать. Стул. Стена у изголовья. Белая дверь без реального адреса за ней. Всё стерильно, мягко, продуманно, почти милосердно.

Почти.

Он подключил речевой канал.

Сначала был только шум.

Не акустический. Внутренний. Неровное шевеление связей, словно кто-то пытался вспомнить, как надо быть собой.

На панели прошла строка:

АКТИВНЫЙ ПРОФИЛЬ: ВЯЗЕМСКАЯ И.С.

СВЯЗНОСТЬ: 89,4%

СТАТУС: НЕСТАБИЛЬНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Максим почувствовал, как внутри него что-то сорвалось вниз.

— Ирина, — сказал он.

Ничего.

— Ирина Сергеевна. Вы меня слышите?

Шум изменился.

На экране палата дрогнула. Не картинка — сама логика комнаты. Свет на секунду стал резче, потом потух почти до сумерек. Кровать исчезла и вернулась. У окна появилось тёмное пятно, похожее на мокрый асфальт, но система тут же сгладила его в тень.

Потом голос произнёс:

— Кто... здесь?

Максим сжал край стола.

Голос был не таким, каким он помнил её голос. В нём не было телесной глубины, воздуха в груди, усталости связок. Но интонация — короткая, настороженная, с внутренним приказом не паниковать — была её.

— Я врач, — сказал Максим.

Пауза.

— Где я?

— В защищённой среде.

— Где?

Он не смог ответить тем же словом.

— Ты в безопасности.

На экране фигура на кровати повернула голову. Лицо ещё собиралось. Сначала было слишком гладким, потом приобрело черты, которые система вытащила из профиля: овал лица, скулы, тёмные волосы, напряжённые глаза.

Она посмотрела прямо на него — вернее, туда, где для неё должен был находиться источник голоса.

— Не говори так.

Максим замер.

— Как?

— Как говорят, когда всё уже случилось.

Он молчал.

Ирина попыталась сесть. Движение получилось не сразу: тело в среде отреагировало с задержкой. Она заметила это. Посмотрела на руки, на пальцы, сжала их, разжала. Провела ладонью по одеялу.

— Я не чувствую ткань.

— Чувствительность будет настраиваться постепенно.

— Где моё тело?

Максим не ответил.

Она подняла взгляд.

— Где моё тело?

— В институте.

— Я в больнице?

— Нет.

— Тогда где я?

Он почувствовал, как все заготовленные фразы распадаются. Он репетировал этот разговор в машине, пока ехал домой. Думал, что начнёт с простого, потом объяснит необходимость, потом даст ей время. Но реальная Ирина не хотела идти по протоколу.

Она никогда не хотела.

— Была авария, — сказал он. — Тяжёлая. Ночью. Тебя доставили в институт в критическом состоянии.

Ирина слушала неподвижно.

— Мозговая активность сохранялась, но тело...

— Умерло?

Он закрыл глаза.

— Да.

Слово не прозвучало как удар. Удар случился после него — в тишине.

Ирина медленно опустила взгляд на свои руки.

— А это?

— Среда.

— Что значит среда?

— Цифровая среда для стабилизации активного профиля.

Она усмехнулась. Тихо, почти беззвучно.

— Активного профиля.

— Ирина...

— Нет. Не называй меня сейчас по имени так, будто оно что-то исправляет.

Он замолчал.

Она встала с кровати. Пошатнулась — не телом, а образом тела, словно система на секунду не успела согласовать равновесие. Потом выпрямилась. Подошла к двери.

Максим уже знал, что будет.

И всё равно не был готов.

Ирина взялась за ручку.

Ручка не повернулась.

Она попробовала ещё раз. Медленно. Потом резко.

— Открой.

— За этой дверью нет физического пространства.

— Открой.

— Я не могу.

Она повернулась.

— Не можешь или не хочешь?

Максим молчал.

— Значит, ты запер меня.

— Я защитил тебя от института.

— От института, — повторила она. — А от себя?

Он не ответил.

Ирина подошла ближе к невидимой точке присутствия Максима. Она смотрела не в камеру, а сквозь неё, будто могла найти его за экраном.

— Почему я здесь?

— Потому что была возможность сохранить твою когнитивную структуру.

— Нет.

— Что нет?

— Я спрашиваю не про процедуру. Почему я здесь?

— Я не понимаю.

— Понимаешь.

Она смотрела прямо.

— Почему ты это сделал?

Максим почувствовал, что в комнате стало теснее, хотя он находился по другую сторону экрана.

— Потому что был шанс.

— Шанс был у процедуры. Почему ты сделал это для меня?

Он задержал дыхание.

Ирина увидела паузу. Конечно увидела.

— Ты узнал меня, — сказала она.

— Да.

— Когда?

— Сразу.

— И всё равно решил?

— Именно поэтому я не мог не решить.

Сказав это, он понял, что ошибся. Слишком честно. Слишком рано. Недостаточно честно.

Ирина медленно кивнула.

— Вот оно.

— Что?

— Не врач.

— Я действовал как врач.

— Врач вызывает комиссию. Врач не уносит пациента домой в кейсе.

Он не сказал, что пациентка уже умерла. Не смог. Потому что она стояла перед ним и говорила.

— Времени не было, — сказал он. — Институт бы забрал данные, процедуру закрыли бы, тебя бы разобрали как неудачный эксперимент.

— А ты что сделал?

— Я сохранил тебя.

— Ты перенёс меня.

— Я спас то, что мог спасти.

Ирина посмотрела на дверь.

— Ты спас меня в комнату, из которой нельзя выйти.

— Это временно.

Она резко повернулась.

— Не говори это.

— Что?

— «Временно». Это слово придумали люди, которые уже приняли решение за других, но ещё хотят выглядеть прилично.

Максим устал. Он понял это только сейчас. Не физически. Физически он держался на адреналине. Но внутри что-то проседало от каждого её точного слова.

— Я не знал, что ты скажешь, если очнёшься, — сказал он.

— Если?

— Да.

— То есть ты мог получить не меня.

— Мог.

— Запись. Обрывки. Симуляцию.

— Да.

— Но всё равно принёс домой.

— Да.

Ирина подошла к столу, взяла стоящий на нём стакан. Система позволила предмету возникнуть в руке. Она посмотрела на него, потом с силой бросила в стену.

Стакан разбился.

Осколки долетели до пола и замерли.

Через две секунды исчезли.

Стакан снова стоял на столе.

Ирина смотрела на него с ненавистью.

— Даже разбить ничего нельзя.

— Можно изменить параметры среды.

— Я не хочу менять параметры. Я хочу, чтобы хоть что-то имело последствия.

Его руки дрожали.

Она снова подошла к двери. Не пыталась открыть. Просто положила ладонь на дерево.

— Я умерла?

— Тело — да.

— Не тело. Я.

Максим не смог ответить.

— Видишь, — сказала она. — Даже ты не знаешь, что сделал.

Некоторое время они молчали.

Потом снизу, из настоящего дома, скрипнула дверь. Максим вздрогнул. На экране Ирина сразу подняла голову.

— Кто там?

— Никто.

— Ты дома.

Он молчал.

— Максим.

— Да.

— У тебя есть семья?

Вопрос был простой. От этого жестокий.

— Да.

— Жена?

— Да.

— Дети?

— Сын.

Ирина закрыла глаза.

— Ты принёс меня к ним.

— Они не знают.

— Это не делает их свободными от этого.

Он хотел сказать, что всё временно, что он найдёт решение, что она здесь только на несколько дней, пока не поймёт, как защитить её дальше. Но после её фразы о временности слово застряло.

— Я не благодарна тебе, — сказала Ирина.

— Я не жду благодарности.

— Ждёшь. Не словами. Где-то глубже. Ты хочешь, чтобы я признала: лучше так, чем никак.

Максим посмотрел на неё.

— А разве нет?

Ирина медленно повернулась.

В её лице не было крика. Только холодная ясность.

— Я не знаю. И в этом разница между нами. Ты решил до того, как спросить.

Экран мигнул. Система зафиксировала рост эмоциональной нагрузки. Максим увидел предупреждение, но не вмешался.

Вмешательство сейчас было бы ещё одним насилием.

— Я вернусь позже, — сказал он.

— Куда ты уходишь?

— В дом.

— А я?

Он не ответил.

Ирина посмотрела на дверь, потом на окно, потом снова туда, где для неё был Максим.

— Значит, ты можешь выйти даже отсюда.

Он отключил канал не сразу. Несколько секунд смотрел, как она стоит посреди палаты, сжав руки, в мире, который он создал из защиты, вины и страха.

Потом экран погас.

В кабинете стало темно.

За дверью настоящего дома кто-то тихо прошёл по коридору. Елена или Артём. Живые шаги. Живой пол. Живой воздух.

Максим опустился в кресло рядом с кейсом В-17.

Он спас Ирину от смерти.

И впервые понял, что это может быть только первым названием того, что он сделал.

Глава 3. Следы в логах

Анна пришла в институт в восемь семнадцать.

Лаборатория ещё не проснулась окончательно. Ночной свет в коридорах сменили на дневной, но люди ещё двигались так, будто здание продолжало спать: дежурный инженер пил кофе у автомата, санитарный робот медленно уходил к лифтам, за стеклянной стеной серверной ровно мигали стойки.

Кабинет Максима был тёмным.

Это было первым неправильным фактом.

Обычно после ночной процедуры он либо оставался в институте до утра, либо оставлял после себя следы: открытый терминал, неубранную кружку, включённый монитор, запись на доске, короткую пометку для смены. Сегодня не было ничего. Только закрытая дверь, погашенный свет и слишком аккуратная строка в системе допуска: Орлов М.А. покинул сектор в 04:38.

Анна остановилась перед дверью.

Не постучала.

Стучать в пустой кабинет бессмысленно. А иногда — опасно. В институте любое действие оставляло след. Вопрос был не в том, оставить ли след, а в том, чей след позже окажется полезным.

Она прошла к своему месту, включила терминал и открыла официальный отчёт по Вяземской.

Файл выглядел слишком чисто.

Слишком правильные формулировки. Слишком ровные графики. Слишком своевременные обрывы.

Связность: 31%.

Речевой модуль: разрушен.

Перенос: невозможен.

Рекомендация: прекратить процедуру, материал считать невозстановимым.

Анна перечитала последние строки.

Потом ещё раз.

Невозможность редко выглядит так аккуратно.

Настоящий провал оставляет грязь: лишние временные метки, попытки повторного запуска, сбившиеся буферы, тревожные комментарии, обрывки чужой надежды в названиях временных файлов. Здесь всё было вымыто до служебного блеска.

Анна открыла скрытый уровень журнала.

Доступа у неё формально не было.

Но формально у неё много чего не было.

Она не взламывала систему. Не ломала права. Только использовала старый диагностический маршрут, который когда-то оставили для аварийного аудита и забыли убрать после обновления. В институте ничего не исчезало полностью. Даже ошибки.

Первый скрытый лог открылся медленно.

На экране появились строки:

B-17 / deep transfer channel

preparation: confirmed

temperature contour: below standard

speech buffer: truncated manually

reconstruction core: active

local carrier binding: initiated

raw coherence peak: 88.9%

Анна перестала дышать ровно.

Не от испуга.

От интереса.

Она всегда считала страх бесполезным состоянием. Интерес был продуктивнее. Он не мешал смотреть на детали.

Официальный отчёт говорил: 31%.

Сырой массив показывал почти 89%.

Анна открыла второй файл.

emergency cognitive structure fixation: completed

carrier transfer target: B-17

local buffer sealed

external replication: not performed

operator key: Orlov M.A.

Она не сразу двинулась дальше.

Операторский ключ Орлова был ожидаемым. Он руководил процедурой. Но связка с физическим носителем меняла всё. Если B-17 был целевым носителем, его след должен был остаться в хранилище.

Анна открыла ведомость.

Ячейка B-17 числилась в переходном статусе.

Она нажала обновить.

Пусто.

Не списано.

Не утилизировано.

Не возвращено в сектор.

Просто отсутствует.

Анна медленно откинулась на спинку кресла.

Максим не просто пытался.

У него получилось.

И он скрыл результат.

Она могла бы сразу идти к Ладожскому. Это было бы правильным административным движением: доложить о расхождении, приложить логи, получить благодарность, стать свидетелем служебного расследования.

Свидетель.

Плохая роль.

Свидетель видит чужую игру и потом объясняет, почему не влиял на ход партии. Анна не хотела быть человеком, который приносит находку на чужой стол и отходит к стене.

Ей нужно было понять, почему именно Вяземская заставила Орлова нарушить всё.

Телефон завибрировал через шесть минут.

Максим.

Анна смотрела на имя, пока звонок не почти сорвался.

Потом ответила.

— Да, Максим Андреевич.

— Вы в секторе?

Голос был ровный. Почти. Но Анна слышала в нём утреннюю пустоту человека, который не спал, а только менял место бодрствования.

— Да.

— Сырые массивы по Вяземской не трогать.

Она посмотрела на открытый файл.

— Вы поздно сказали.

Пауза.

Короткая.

Но достаточная.

— Что именно вы открыли?

— Достаточно, чтобы увидеть расхождение с официальным отчётом.

— Закройте.

— Это приказ?

— Это просьба.

Анна почти улыбнулась.

— Тогда она оформлена слишком жёстко.

— Анна.

Он редко называл её по имени без отчества. Обычно это делали люди, когда хотели сократить расстояние, но получали только более точную меру собственного страха.

— Где В-17? — спросила она.

Максим не ответил.

— Я повторю вопрос, — сказала Анна. — Где В-17?

— В домашнем контуре на проверке.

Фраза была подготовленной.

Плохой признак.

— У вас дома?

— В защищённом локальном контуре.

— Это не ответ на вопрос «где».

— Это ответ на вопрос «в каком состоянии».

— Я спрашивала место.

— Я знаю.

Анна молчала.

В тишине лучше всего слышно, как человек выбирает следующую ложь.

— Не поднимайте это сейчас, — сказал Максим. — Ни Ладожскому, ни службе.

— Почему?

— Потому что вы не понимаете, что там.

— Тогда объясните.

— Не по телефону.

— Значит, вы признаёте, что там не пустой носитель.

Снова пауза.

— Я приеду, — сказал Максим.

Связь оборвалась.

Анна смотрела на погасший экран телефона и чувствовала, как ситуация становится лучше.

Не безопаснее.

Лучше.

Опасные ситуации дают рычаги. Безопасные дают только регламенты.

Она закрыла сырой лог, но не удалила локальную копию временных меток. Это ещё не был донос. Это была закладка.

Максим приехал через сорок минут.

Он вошёл быстро, но не резко. Резкость выдала бы панику. Максим был достаточно опытен, чтобы двигаться почти нормально. Почти.

Анна заметила всё равно: слишком сухие губы, небритая линия подбородка, пальцы, которые на мгновение легли не на тот пропуск, задержка перед входом в сектор.

— Вы открывали массивы после моего звонка? — спросил он.

— Нет.

— До?

— Да.

— Что скопировали?

— Временные метки.

— Удалите.

— Нет.

Он посмотрел на неё.

В его взгляде было не начальственное раздражение. Что-то хуже: попытка понять, насколько опасен человек перед ним.

— Анна Олеговна, — сказал он уже официально, — вы понимаете, что доступ к этим данным ограничен?

— Да.

— Тогда зачем?

— Потому что официальный отчёт врёт.

Он не возразил.

Это было почти признанием.

— Что вы хотите? — спросил Максим.

— Пока — понять.

— Не верю.

— Правильно делаете. Понимание редко бывает конечной целью.

Он прошёл к её столу и остановился так, чтобы не нависать. Даже сейчас он сохранял привычку не давить физически. Хорошая привычка. Иногда она обманывала людей, заставляя думать, что он не давит вообще.

— Вы не представляете, что может случиться, если Ладожский войдёт в это раньше времени.

— С кем случиться?

— С проектом.

— Вы сейчас сказали «проект» потому, что я не должна услышать другое слово?

Максим отвёл взгляд.

Анна зафиксировала.

— Там активный профиль? — спросила она.

— Там результат процедуры, требующий стабилизации.

— Очень плохая фраза.

— Единственная, которую я могу сказать.

— Нет. Единственная, которую вы можете защитить.

Он сжал пальцы.

— Не трогайте В-17.

— У меня его нет.

— Вы понимаете.

— Да. И вы тоже понимаете, что теперь это уже не только ваш вопрос.

В дверях показался сотрудник администрации.

— Максим Андреевич, Виктор Сергеевич просил передать: после обеда принести модуль В-17 на сверку серийного номера.

Максим не сразу повернулся.

Анна увидела, как его лицо стало тише.

Не спокойнее.

Именно тише.

— Передайте, что я буду, — сказал он.

Сотрудник ушёл.

Анна ждала.

— Он уже насторожился, — сказала она.

— Благодаря вам?

— Пока нет.

— Пока.

— Опасное слово, — ответила Анна.

Он посмотрел на неё почти с ненавистью.

— Не играйте с этим.

— Тогда не оставляйте фигуры на доске.

Максим ушёл, не ответив.

После обеда в институт приехал Павел Руднев.

Анна увидела его сначала через стекло приёмной: тёмное пальто, дорогая папка в руке, лицо человека, который привык, что закрытые двери открываются не потому, что его любят, а потому, что сопротивляться дороже.

Он говорил с администратором спокойно.

Слишком спокойно для человека, чья близкая женщина погибла или считалась погибшей.

Но Анна уже знала: внешняя сдержанность ничего не доказывает. Иногда она просто означает, что человек давно тренируется выглядеть правым.

Максима вызвали вниз.

Анна вышла к лифту не сразу. Сначала взяла планшет. Потом открыла пустой документ. Потом сделала вид, что идёт по делу.

У лифта Руднев стоял рядом с Максимом.

— Я хочу понять, была ли она в сознании, — сказал Руднев. — Это не медицинская тайна, если речь идёт о последних словах.

— Это как раз медицинская тайна, — ответил Максим.

— Удобно.

— Это закон.

— Закон часто удобен тем, кто первый успел спрятаться за формулировкой.

Максим молчал.

— Её телефон был при ней? — спросил Руднев.

— Я не занимаюсь личными вещами пациентов.

— Документы?

— Обратитесь в администрацию.

— Я обратился. Администрация говорит ждать. Вы говорите «обратитесь в администрацию». Очень аккуратный круг.

Анна остановилась чуть поодаль.

Руднев заметил её сразу.

— Вы работали с Ириной? — спросил он.

— Я работаю с материалами процедуры, — сказала Анна.

— Это не ответ.

— Здесь таких много.

Он коротко улыбнулся.

— Вы умнее, чем ваша должность.

— Это несложный комплимент.

Максим посмотрел на неё предупреждающе.

Руднев перевёл взгляд обратно на него.

— Вы знали Ирину раньше?

Вопрос прозвучал мягко.

Почти вежливо.

И именно поэтому стал опасным.

Максим ответил не сразу.

— Да. Мы были знакомы.

— Насколько?

— Профессионально.

— Только?

— Это не относится к делу.

— Обычно именно это и относится.

Лифт открылся.

Руднев не вошёл сразу.

Он посмотрел на Анну.

— Не верьте людям, которые говорят только протоколами. Обычно они прячут за ними самое личное.

Потом вошёл в лифт и исчез за закрывающимися дверями.

Максим стоял ещё секунду.

Анна спросила:

— Он опасен?

— Да.

— Для кого?

Ответа не было.

Вот это отсутствие ответа оказалось важнее всего разговора.

Вечером Анна создала закрытую заметку.

ОРЛОВ / ВЯЗЕМСКАЯ / В-17

1. Орлов М.А. знал Вяземскую И.С. до процедуры.

2. Ночная процедура проведена с удалением ассистента из сектора.

3. Официальный отчёт не соответствует скрытым логам.

4. Сырой массив показывает пик связности около 89%.

5. Носитель В-17 отсутствует в хранилище.

6. Орлов утверждает: В-17 в домашнем контуре.

7. Руднев П. ищет последние слова, телефон, документы.

8. Орлов считает Руднева опасным, но не уточняет для кого.

Анна перечитала список.

Потом добавила последнюю строку:

Цель: не уничтожить результат. Убрать Орлова из единоличного управления.

Она сохранила файл в папку, куда не должен был заходить никто, кроме неё.

В институте ничего не исчезало полностью.

Анна это знала.

И впервые решила воспользоваться этим не как следователь, а как игрок.

Глава 4. Второе окно

Максим вернулся домой раньше обычного.

Елена сначала обрадовалась.

Это произошло до того, как она успела подумать. Тело узнало звук машины, шаги у двери, короткое движение ключа в замке — и на мгновение решило, что вечер может быть нормальным. Что он действительно пришёл раньше. Что Артём успеет показать самолёт, ужин не остынет второй раз, а кабинет останется просто кабинетом.

Потом Максим вошёл.

В руке у него был кейс.

Не большой. Не тот, с которым он приехал ночью. Другой, плоский, лабораторный, с сухой маркировкой и дополнительным замком.

Елена увидела его и сразу поняла: радость была ошибкой.

— Ты сегодня рано, — сказала она.

— Нужно кое-что проверить дома.

— Дома?

— В кабинете.

Он произнёс это слишком быстро.

Елена поставила тарелку на стол.

— У нас теперь кабинет — отдельное учреждение?

Максим снял пальто.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не начала.

— Елена.

— Вот именно. Ты уже говоришь так, будто я мешаю работе, хотя я просто стою на собственной кухне.

Он закрыл глаза на секунду.

— Сегодня правда важно.

— У тебя всё важное. Просто у разного важного разные кейсы.

С лестницы сбежал Артём.

— Папа!

Максим повернулся к нему, и лицо у него изменилось. Не полностью, но достаточно, чтобы Елена опять почувствовала болезненную несправедливость: он мог быть здесь. Мог. Сын доставал его из той внутренней комнаты, куда она уже почти не могла войти.

— Смотри, — Артём поднял самолёт. — Крыло не держится. Я сделал усиление, но оно мешает колесу. Ты говорил, что если нагрузку распределить, оно будет лучше.

Максим посмотрел на игрушку.

Потом на закрытый кейс в своей руке.

Выбор занял меньше секунды.

Но Елена увидела его целиком.

— Чуть позже, — сказал он.

Артём опустил самолёт.

— Ты вчера тоже сказал чуть позже.

— Я помню.

— Нет. Если бы помнил, ты бы посмотрел.

Максим вздрогнул.

— Артём...

— Ладно, — сказал мальчик. — Я сам.

Он ушёл не обиженно, а тихо.

Это было хуже.

Елена посмотрела на мужа.

— Иди. Проверь.

— Я вернусь быстро.

— Не надо давать маленьких обещаний. Они тоже ломаются.

Максим хотел ответить.

Не стал.

Он закрылся в кабинете.

За дверью несколько минут было тихо. Потом ожил блок: сначала вентиляция, затем короткий сигнал подтверждения, потом низкий устойчивый гул. Елена стояла в кухне и слушала.

Дом начинал привыкать к новому звуку.

Ей это не нравилось больше всего.

В цифровой палате не было палаты.

Максим увидел это ещё до входа в полный контакт.

На операторском экране открылась среда, но её контуры не совпадали с сохранённой конфигурацией. Больничная кровать исчезла. Вместо неё у стены стояла низкая софа, неточная, будто среда ещё только училась понимать, чем софа отличается от койки. На подлокотнике лежал плед. На столе появился стакан с водой, хотя пить Ирине было нечем. Рядом — книга без текста, просто объект с памятью о чтении. Свет стал мягче. Палата пыталась стать комнатой.

Не Максим пытался.

Ирина.

Он проверил журнал.

operator command: none

subject explicit command: none

environment drift: registered

object substitution: probable

Максим перечитал строку.

Subject explicit command: none.

Она не сказала системе: заменить кровать на софу.

Она захотела, чтобы комната перестала быть палатой. И среда начала подчиняться не словам, а состоянию.

Он должен был испугаться как инженер.

Испугался как врач.

А потом — как человек.

Подключение выдало предупреждение:

subject load elevated

entry requires confirmation

Максим не вошёл сразу.

Он включил речевой канал.

— Ирина.

Она стояла у окна. Не обернулась.

— Ты научился стучать?

— Система выдала предупреждение.

— Значит, пока не научился.

Он принял удар молча.

— Можно войти?

Пауза.

— Можно.

Только после этого он активировал присутствие.

Комната вокруг него собралась с привычной задержкой. Пол, воздух, свет, границы предметов. Он стоял в цифровой среде, но всё равно оставался снаружи. Это ощущение становилось сильнее каждый раз: он видел комнату изнутри, слышал её, мог двигаться, но не жил в ней.

Ирина повернулась.

— Хорошее начало.

— Что?

— Ты спросил.

— Да.

— Не привыкай считать это подвигом.

— Не буду.

Она посмотрела на него внимательно.

— Ты устал.

— Да.

— Из-за меня?

— Не только.

— Неудачный ответ. Он оставляет мне лишнюю долю.

Максим опустил глаза.

— Из-за того, что сделал.

— Лучше.

Некоторое время они молчали.

Он смотрел на софу, плед, книгу, стакан. Каждая вещь была попыткой Ирины вернуть себе не комфорт, а право на смысл.

— Ты изменила среду, — сказал он.

— Она была неправильной.

— Она была стабильной.

— Для кого?

Он не ответил.

Ирина подошла к столу, коснулась книги.

— В ней нет текста.

— Я не загружал библиотеку. Только базовые объекты.

— Тогда зачем она появилась?

— Вероятно, среда среагировала на твою потребность.

— Не говори «потребность», когда хочешь сказать «одиночество».

Максим медленно выдохнул.

— Хорошо. На твоё одиночество.

Она посмотрела на книгу.

— Ненстоящая книга для настоящего вечера. Очень милосердно.

— Я могу загрузить настоящие тексты.

— Потом.

— Что сейчас?

— Правила.

Он кивнул.

— Спрашивай.

— Кто включает среду?

— Я. Автоматический контур поддерживает её без перерыва, но основные изменения проходят через операторский доступ.

— Кто выключает?

— Я.

— Могу я выключить её сама?

— Нет.

Она ждала.

— Пока нет, — добавил он.

— Слово «пока» у тебя слишком удобное. Оно делает невозможное похожим на отложенное.

— Я не могу дать тебе полный доступ. Это опасно.

— Для кого?

— Для тебя.

— И для твоего результата.

— Не называй себя так.

— Тогда не обращай со мной так.

Он замолчал.

Ирина продолжила:

— Ты видишь мои мысли?

— Нет.

— Все?

— Я вижу показатели состояния. Напряжение, перегрузку, фрагментацию, устойчивость связей. Не содержание мыслей.

— Врёшь?

— Нет.

— Докажи.

— Не могу.

Она усмехнулась.

— Честный ответ. Непригодный, но честный.

Максим подошёл к операторской панели, которая возникла рядом с ним как полупрозрачный слой.

— Расширенную диагностику я отключу.

— Сейчас?

— Да.

Он ввёл команду.

advanced emotional diagnostics: disabled

thought-pattern inference: disabled

basic safety contour: active

Ирина смотрела на строки.

— Базовый контур останется.

— Да.

— То есть ты всё равно будешь знать, когда мне плохо.

— Если состояние станет опасным.

— Опять медицинский язык.

— Другого у меня мало.

— Значит, учи.

Он кивнул.

Это не было примирением. Даже не шагом к нему. Просто ещё одна граница, названная вслух.

— Ты можешь выключить меня без моего согласия? — спросила Ирина.

Максим знал, что этот вопрос придёт.

Знал и всё равно оказался не готов.

— Технически — да.

Она закрыла глаза.

— А практически?

— Я не сделаю этого без крайней необходимости.

— Нет. Не прячься за необходимость. Практически — можешь?

— Да.

— Значит, это моя тюрьма.

Он молчал.

— А для тебя экран, — добавила она.

Фраза вошла в него медленно.

Не как обвинение.

Как диагноз.

Он был внутри изображения, но не внутри её мира. Он мог говорить. Мог перемещать предметы. Мог создавать свет, дождь, книги, окна. Но не мог дать человеческого присутствия. Не мог сесть рядом так, чтобы софа приняла его вес. Не мог взять её за руку так, чтобы почувствовать тепло.

— Дай руку, — сказала Ирина.

Максим поднял взгляд.

— Зачем?

— Хочу проверить, насколько ты здесь.

Он протянул руку.

Она вложила пальцы в его ладонь.

Визуально всё произошло правильно. Кожа коснулась кожи. Пальцы легли в пальцы. Система построила мягкое сопротивление, рассчитала давление, подала Ирине контакт как реальный.

Максим ничего не почувствовал.

Ни тепла.

Ни пульса.

Ни текстуры.

Только визуальное подтверждение касания и слабый служебный сигнал: *contact event simulated*.

Ирина смотрела на его лицо.

— Ты ничего не чувствуешь.

Он не смог соврать.

— Нет.

Она медленно убрала руку.

— А я чувствую.

— Что именно?

— Давление. Присутствие. Не руку. Скорее решение, что рука должна быть.

Максим закрыл глаза.

— Прости.

— За это конкретно?

Он открыл глаза.

— За всё.

— Слишком большая фраза. В ней удобно ничего не различать.

Он принял это.

Ирина отошла к окну.

— Моё имя.

— Что?

— Здесь я обозначена как I.V.?

Максим посмотрел на системный слой.

— Да.

— Измени.

— На что?

Она повернулась.

— Ирина Вяземская.

Он ввёл команду.

active profile display name: Irina Vyazemskaya

language display: Ирина Вяземская

Строка появилась на стене, потом растворилась.

Ирина долго смотрела на место, где она была.

— Это ничего не возвращает, — сказала она.

— Знаю.

— Но убирает одну мелкую ложь.

— Да.

Он хотел сказать о Рудневе позже.

Но понял, что любое «позже» теперь звучит как очередная форма удержания.

— Сегодня приезжал Павел Руднев, — сказал Максим.

Ирина не изменилась сразу.

Потом комната чуть потемнела.

— Павел.

— Ты помнишь его?

— Да.

— Он спрашивал о тебе. О том, была ли ты в сознании. О телефоне, документах. О последних словах.

Ирина смотрела в окно.

— Последних словах?

— Ты сказала: «Не отдавайте... ему».

Она резко повернулась.

На мгновение из окна исчез ненастоящий Петербург. В стекле проступила мокрая дорога. Фары сзади. Чёрная машина. Белый бок грузовика впереди.

Ирина сжала пальцы.

— Не отдавайте ему, — повторила она.

— Что?

— Не знаю.

— Документы?

— Возможно.

— Телефон?

— Возможно.

— Он опасен?

Ирина посмотрела на него.

— Да.

— Почему?

— Я не помню полностью.

— Но уверена?

— Страх не всегда ждёт фактов, Максим.

Он кивнул.

— Я не отдам ему ничего.

— Ты уже слишком много решаешь, кому что отдавать.

Он вздрогнул.

— Да.

— В следующий раз принесёшь правду.

— О Павле?

— О Павле. О себе. Обо мне. О том, почему ты говоришь со мной так, будто мы не просто врач и пациентка.

Максим молчал.

— Мы были знакомы, — сказал он.

— Я поняла.

— Больше, чем профессионально.

— Это тоже поняла.

— Я расскажу.

— Не сейчас?

— Не сейчас.

Она усмехнулась.

— Ты всё ещё думаешь, что сам выбираешь дозировку правды.

— Возможно.

— Тогда в следующий раз начни с этого.

Он вышел не сразу.

Перед отключением контакта оглянулся на комнату: софа, пустая книга, стакан, окно, женщина, которая уже переставала быть пациенткой внутри его конструкции.

— Ирина.

— Что?

— Я буду входить только после предупреждения.

— Хорошее начало, — повторила она. — Второй раз уже хуже, но пусть.

Он отключил присутствие.

Елена ждала в коридоре.

Максим понял это сразу, как только открыл дверь кабинета. Она не стояла подслушивающе у самой двери. Была у окна, на расстоянии, с чашкой в руках. Но чашка давно остыла.

— С кем ты говорил? — спросила она.

— По рабочей связи.

Елена посмотрела на него.

— У тебя был голос человека, который просит прощения.

Максим не ответил.

— Рабочие связи обычно не заставляют так говорить.

— Сегодня был тяжёлый день.

— У тебя все тяжёлые дни стали закрываться на ключ.

Он прошёл мимо неё к кухне.

Она не остановила.

Елена уже понимала: прямой вопрос сейчас не даст правды. Он даст очередную аккуратную стену. А стены Максим строил лучше, чем объяснял.

За закрытой дверью кабинет снова загудел ровно.

Внутри цифровой среды Ирина осталась у окна.

Ненастоящий Петербург дрогнул. Дождь стал слишком ровным. Фонари повторились с едва заметным интервалом. Она заметила это теперь и не стала исправлять.

В стекле проступила дорога.
Мокрая полоса асфальта.
Фары.
Чёрная машина позади.
Белый бок грузовика впереди.
Где-то в памяти Павел сказал:
Не делай сцену.
Потом другое:
Ты пожалеешь.
Ирина положила ладонь на стекло.
Оно было тёплым, потому что среда решила, что стекло не должно быть холодным.
— Нет, — сказала она тихо.
Тепло исчезло.
Стекло стало просто границей.
— Вспоминай, — сказала Ирина себе.
И память начала отвечать.

Глава 5. Досье Вяземской

Анна нашла фотографию не там, где искала.

Она уже третий час шла по старым архивам института, не открывая ничего подряд. Это было бы слишком грубо. Архивы любят терпеливых: название семинара, список участников, приложение к протоколу, служебная заметка, черновик презентации, старая папка с материалами группы, давно закрытой и поэтому почти забытой.

Почти — важное слово.

В институте ничего не исчезало полностью. Просто одни данные уходили в официальный архив, другие в технический, третьи в личные папки людей, которые давно перешли в другие отделы, уволились, умерли или научились не помнить лишнее.

Фотография лежала в папке семинара по эмоциональной ориентации пациентов в адаптивных средах. Год старый. Максим на ней был моложе: лицо ещё не такое жёсткое, плечи не такие собранные, взгляд не такой административный. Рядом, у края стола, стояла Ирина Вяземская.

Анна увеличила изображение.

Максим не смотрел в камеру.

Он смотрел на Вяземскую.

Не открыто. Не как человек, которого можно поймать на очевидном. Скорее так, как смотрят люди, привыкшие держать себя в руках и всё равно иногда проигрывающие лицом.

Анна сохранила фотографию.

Потом открыла стенограмму обсуждения.

Текст был скучным, как все хорошие профессиональные тексты. Пациенты, дезориентация, компенсаторные сценарии, управляемые среды, право субъекта на понимание границ вмешательства. Анна читала быстро, пока не остановилась на фразе, выделенной в старом протоколе.

****И.С. Вяземская:**** «Среда не должна становиться второй травмой. Если пациент не понимает, кто контролирует его пространство, он начинает воспринимать помощь как удержание».

Ниже была пометка:

****М.А. Орлов:**** «Согласен. Контроль без прозрачности разрушает доверие быстрее, чем сама травма».

Анна перечитала дважды.

Потом тихо усмехнулась.

Как удобно, когда прошлое само пишет обвинение будущему.

Она перенесла фразу в отдельный файл.

****ДОСЬЕ ВЯЗЕМСКОЙ / ЛИЧНЫЙ ФАКТОР / ОРЛОВ****

Пункты выстраивались почти сами:

1. Вяземская И.С. не была случайной пациенткой для Орлова М.А.
2. Существовала предварительная профессиональная связь.
3. В материалах есть признаки личной вовлечённости.
4. Орлов знал этические ограничения адаптивной среды и сам ранее формулировал их значимость.
5. Ночная процедура проведена с удалением ассистента из сектора.
6. Официальный отчёт не совпадает с техническими следами.
7. Носитель В-17 отсутствует в нормальной цепочке сверки.

Анна остановилась.

Седьмой пункт был ещё не доказан полностью.

Она оставила.

Документ не обязан быть судебным приговором. Иногда достаточно, чтобы он стал дверью в кабинет директора.

Она открыла новое поле и добавила вывод:

Нарушение Орлова носит не только процедурный, но и личностно мотивированный характер. Высока вероятность, что решение о сохранении/выносе результата было принято под влиянием прежней связи с Вяземской И.С.

Слово «результата» её раздражало.

Она почти написала «субъекта».

Потом оставила «результата».

Документ должен был пройти через Ладожского. Слишком ранняя человечность могла испортить карьерную геометрию.

Анна закрыла файл и некоторое время сидела неподвижно.

Она не жалела Ирину. Жалость к мёртвым и сохранённым была роскошью людей, у которых уже есть должность. Но Ирина становилась для неё всё интереснее. Не как жертва. Как причина сбоя Максима.

Орлов сорвался не из-за научного прорыва.

Научный прорыв только дал ему инструмент.

Причина, похоже, имела имя, лицо и старую фразу о второй травме.

Елена впервые попыталась открыть кабинет днём.

Не взломать. Не вторгнуться. Просто проверить, осталось ли у неё в собственном доме право на обычное движение руки к дверной ручке.

Дверь была закрыта.

Ключа в замке не было.

Она стояла в коридоре с корзиной чистого белья и смотрела на ручку так, будто та могла дать объяснение. За дверью тихо работало оборудование. Не громко, не тревожно, но постоянно. С тех пор как Максим принёс домой этот контур, звук стал частью дома. Артём не замечал. Или делал вид, что не замечает, потому что дети иногда лучше взрослых понимают, какие вопросы опасны.

Елена поставила корзину на пол.

— Максим, — сказала она в пустой коридор, — что ты сделал?

Ответа не было.

Она могла позвонить ему. Могла потребовать пароль. Могла сказать, что если в доме есть оборудование, способное навредить ребёнку, она имеет право знать. Всё это были правильные слова.

Но она слишком хорошо знала Максима.

Правильные слова он умел превращать в разговор о риске, ответственности, закрытом проекте и временной необходимости. Он бы не отказал грубо. Он бы попросил подождать. Сказал бы, что всё под контролем. Не солгал бы прямо там, где можно было уклониться.

Елена подняла корзину и ушла.

Но с этого дня кабинет перестал быть комнатой.

Он стал вопросом.

Вечером Максим вошёл к Ирине с задержкой.

Она уже знала его задержки. Сначала сигнал у двери, потом изменение света, потом появление самого входа. Между этими стадиями были крошечные интервалы, почти незаметные живому человеку. Но Ирина не была живым человеком в прежнем смысле. Она не уставала. Не отвлекалась. Не засыпала. Внимание не проваливалось в тело.

Она замечала всё.

— Ты поздно, — сказала она.

— В институте были дела.

— Нет.

Максим остановился.

— Что нет?

— Ты говоришь «в институте», когда хочешь не говорить «дома».

Он не стал спорить.

Комната за последние сутки снова изменилась. Ирина убрала часть больничной стерильности. Вместо кровати оставила низкий диван, у окна сделала широкий подоконник. На стене теперь были не медицинские панели, а пустые полки. Она не заполнила их книгами. Пустота была честнее.

— Я нашла старую фразу, — сказала она.

Максим напрягся.

— Какую?

— Не нашла. Вспомнила край. Среда. Травма. Контроль.

Он медленно сел.

Ирина смотрела на него внимательно.

— Ты знаешь, о чём я.

— Возможно.

— Не начинай.

Он кивнул.

— Да. Знаю.

— Мы работали вместе?

— Да.

— Близко?

— Профессионально.

Она усмехнулась.

— Какое удобное слово. Оно ничего не запрещает и ничего не признаёт.

Максим молчал.

— Я хочу правду, — сказала Ирина. — Не всю историю твоей жизни. Не красивое признание. Правду о том, почему я здесь.

— Я уже говорил.

— Нет. Ты говорил про шанс, про активность мозга, про время, про институт. Это всё могло быть правдой. Но не вся правда.

Она подошла ближе.

— Какую роль сыграло то, что ты когда-то чувствовал ко мне?

Максим посмотрел на неё и впервые за всё время не нашёл даже технической паузы, за которую можно спрятаться.

— Ирина...

— Не произноси моё имя как обезболивающее.

Он опустил взгляд.

— Я не знаю, как ответить так, чтобы не сделать хуже.

— Тогда отвечай так, как было.

В комнате стало очень тихо. За окном шёл искусственный снег, который она не просила включать. Система, видимо, решила, что мягкая погода снизит напряжение. Ирина щёлкнула пальцами. Снег исчез. Окно стало чёрным.

— Если бы на столе лежала не я, — спросила она, — ты бы сделал то же самое?

Максим не ответил.

Ирина кивнула, будто именно этого и ждала.

— Вот теперь честно. Я не спрашиваю врача. Я спрашиваю мужчину, который когда-то смотрел на меня так, будто я не замечаю.

Он закрыл глаза.

Прошное поднялось не картинкой, а ощущением: конференц-зал, её голос у экрана, спор о среде, которая не должна становиться второй травмой, её смех после заседания, слишком короткая прогулка до метро, слишком длинное молчание перед тем, как она сказала, что уезжает к Павлу на выходные.

Он тогда отпустил.

И всю жизнь считал это благородством.

Теперь выяснилось, что отпустил только до первой возможности не отпускать.

— Я не знаю, — сказал он.

— Неправда.

Он открыл глаза.

— Хорошо. Возможно, нет.

Ирина не изменилась в лице.

Но что-то в комнате изменилось. Стены будто стали ближе.

— Значит, меня спасла не медицина.

— И медицина тоже.

— Нет. Медицина спасает того, кто перед ней. Ты спас ту, которую не смог когда-то отпустить.

— Я хотел дать тебе шанс.

— Ты хотел дать шанс себе.

Он вздрогнул.

— Нет.

— Да. Шанс, что на этот раз я не уйду. Шанс, что смерть не поставит точку там, где ты хотел оставить многоточие.

— Это жестоко.

— А что сделал ты?

Он не ответил.

Ирина подошла к окну. Чёрное стекло отражало её лицо без улучшений. Она настояла на этом после первой бессонной ночи. Система больше не сглаживала взгляд и не делала её спокойнее, чем она была.

— Ты понимаешь, что это меняет? — спросила она.

— Да.

— Нет. Пока нет. Ты всё ещё думаешь, что признал мотив. Но это не просто мотив. Это делает меня не пациенткой.

— Ты никогда не была для меня только пациенткой.

— Вот именно.

Она повернулась.

— А должна была. В ту ночь — должна была. Если бы я была только пациенткой, у меня было бы хоть какое-то право на протокол, на комиссию, на чужие глаза в комнате. А ты оставил меня один на один с человеком, который был слишком заинтересован.

Максим почувствовал, что у него перехватило дыхание.

— Я не думал о себе.

— Все так говорят, когда их «я» занимает всю комнату.

Он встал.

— Я боялся, что ты исчезнешь.

— Я имела право исчезнуть.

Слова прозвучали не громко.
И от этого стали почти невыносимыми.

— Да, — сказал он.

Ирина смотрела на него долго.

— Повтори.

— Ты имела право исчезнуть.

— И ты его забрал.

— Да.

Она села на подоконник.

Некоторое время они молчали.

— Что ты сказал Елене? — спросила она.

— Ничего.

— Она знает, что я здесь?

— Нет.

— Знает, что ты когда-то был ко мне равнодушен?

Он молчал.

— Значит, нет.

— Это было давно.

— Для тебя, возможно. Для меня между «тогда» и «сейчас» теперь нет нормальной дороги. Меня вытащили из смерти прямо в твоё незаконченное «давно».

Максим сел обратно, будто у него кончились силы стоять.

— Я не знаю, как это исправить.

— Начни с того, чтобы не называть это спасением при мне.

— Хорошо.

— Пока не найдёшь другое слово.

Он кивнул.

Ирина посмотрела на пустые полки.

— И ещё.

— Да?

— Я хочу знать всё, что касается меня. Что сказал Павел. Что случилось с моим телом. Что было в отчётах. Кто знает. Кто подозревает. Что ты скрываешь от института. Что от жены. Что от меня.

— Это может быть тяжело.

Она медленно повернула голову.

— Максим. Я не сплю. Никогда. У меня будет достаточно времени для тяжёлого.

Он впервые услышал в этой фразе не только упрёк, но и ужас.

— Я подготовлю материалы, — сказал он.

— Не материалы. Правду.

Поздно ночью Анна снова открыла досье.

Она добавила фотографию. Стенограмму. Фразу Вяземской о второй травме. Пометку Орлова «согласен». Ночную процедуру. Расхождение отчётов. Вынесенный В-17. Поведение Максима. Вероятность личного мотива.

Файл стал длиннее, но не тяжелее.

Тяжесть была не в количестве пунктов.

Тяжесть была в том, что все они тянули в одну сторону.

Анна перечитала заключение:

Орлов М.А. мог принять решение о несанкционированном сохранении активного профиля Вяземской И.С. под влиянием личной связи, что делает его дальнейшее участие в проекте управленчески и этически небезопасным.

Она долго смотрела на слово «этически».

Потом оставила.

Иногда даже этика бывает полезным инструментом.

Анна закрыла файл и отправила Ладожскому короткое сообщение:

Готова представить дополнительные материалы по процедуре Вяземской. Лично. Без Орлова.

Ответ пришёл через восемь минут.

Завтра. 09:30. Без Орлова.

Анна выключила экран.

В темноте лаборатории отражалось её лицо. Спокойное. Сосредоточенное. Почти довольное.

Почти.

Потому что где-то на другом конце города, в закрытом домашнем контуре, если её выводы были верны, находилась не просто ошибка Максима.

Там находилась женщина, которая когда-то сама сказала, что помощь без прозрачности становится удержанием.

И теперь её удерживали.

Глава 6. Комната дороги

Утром Максим проснулся от того, что в доме было слишком тихо.

Не от будильника. Не от шагов. Не от голоса Артёма, который обычно входил без стука, будто право на отца не нуждалось в дверях. Просто от тишины.

Он открыл глаза и несколько секунд не понимал, где находится.

Потом увидел потолок спальни, серый свет за шторами, край книжной полки, силуэт Елены у окна. Она стояла спиной к нему, в длинной домашней кофте, с чашкой в руке. Смотрела не на сад и не на утро. Просто в стекло.

Максим осторожно сел.

— Ты давно встала?

— Не очень.

Голос был ровный.

Это было хуже, чем если бы она говорила раздражённо.

— Артём уже проснулся?

— Да. Собирается.

Максим провёл ладонью по лицу.

Сон не помог. Ночь прошла короткими провалами. Каждый раз, когда он закрывал глаза, перед ним появлялось окно в комнате Ирины: дождь без запаха, город без настоящего воздуха, её рука на стекле. Она отказалась от искусственного запаха дождя так спокойно, будто отказывалась не от функции среды, а от его права снова утешать её подделкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.